

КОРОТКО О НОВЫХ КНИГАХ

Лякин А. Н. *Загадка государства*. — Рец. на кн.: *Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма*. М.: Весь Мир, 2013. 480 с.

Монография Р. С. Гринберга и А. Я. Рубинштейна «Индивидуум & Государство: экономическая дилемма» интересна, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, она посвящена методологическим основаниям экономической теории, что встречается весьма редко и не только в нынешние времена. Во-вторых, объектом анализа становится место государства в капиталистической экономике, споры по поводу которого не прекращаются едва ли не с момента зарождения экономической науки. При этом авторы разрабатывают свою, оригинальную концепцию рыночных взаимодействий с участием государства, называемую ими «экономическая социодинамика».

Неоклассические концепции, формирующие мейнстрим современной экономической науки, после триумфального шествия в период развала советской системы и отказа от марксистской теории начинают вызывать все большую неудовлетворенность. Слишком многие явления в реальной жизни не получают адекватного объяснения. Живой человек оказался бесконечно далек от «максимизатора полезности» из учебника, «невидимая рука» рынка перераспределяла благосостояние очень наглядным и неслучайным способом, стремление к собственной выгоде отнюдь не способствовало реализации общественных интересов, а переход государства к функции «ночного сторожа» привел к тому, что регулятивные функции начали выполнять другие люди. Поиск ответов подталкивал в сторону институциональных концепций

и кейнсианских рецептов государственного регулирования устойчиво сохраняющихся неравновесных состояний. Одной из проблем, требующих решения и в теоретическом, и в практическом плане, стала оценка места государства в экономической системе.

В отношении роли государства в рыночных взаимодействиях складывается ситуация, подобная роли фирмы в докоузианской экономической теории, которой просто не должно было быть, поскольку она замещала административными решениями рыночные сделки, а их должны были осуществлять индивиды, исходящие из максимизации собственной функции полезности. Точно так же, в соответствии с методологическим индивидуализмом, государство просто не может быть участником экономической жизни, а уж если в реальности это происходит, то расплатой выступает потеря общественного благосостояния. Вместе с тем, подобно реально существующим (вопреки теоретическим построениям) фирмам, государство остается экономическим агентом, последовательно наращивая свою значимость в современном хозяйстве. Выполняемые им функции при этом становятся объектом теоретического обоснования и анализа. «С одной стороны, “мейнстрим” как бы не терпит государственных интервенций, с другой — и теория, вслед за практической экономикой, вынуждена постоянно рассматривать вопросы стимулирования совокупного денежного спроса, проблемы занятости, денежную и промышленную политику, другие аспекты функционирования народного хозяйства» (с. 399).

Решением проблемы примирения индивидуалистического подхода с экономической активностью государства является сведение ин-

тересов государства к тем или иным способом агрегированным интересам индивидов, совокупность которых составляет общество. Критическому анализу этих подходов посвящен целый раздел работы. Ни «вуаль неведения», ни ограничение государственной активности провалами рынка не объясняют масштабов и характера экономической деятельности государства. Равным образом неудовлетворительным оказывается обоснование государственного вмешательства в рамках конституционно-экономической теории.

Убедительная критика попыток загнать в «прокрустово ложе» индивидуалистических интересов побудительные мотивы деятельности государства приводит авторов к первому ключевому выводу, на котором строится их концепция «экономической социодинамики», о несводимости суммы индивидуальных интересов к интересам общества. Общество в целом отличается от входящих в него индивидов так же, как система не равна совокупности составляющих его элементов. Интерес государства при этом может включать в себя компоненты, не включенные в систему предпочтений части его граждан: «Речь идет не о поиске возможности согласования интересов отдельных индивидуумов, а о потребностях общества как такового, которые в индивидуальных предпочтениях принципиально не выявляются» (с. 165); «В нашей концепции существуют две системы предпочтений, но одна из них относится к индивидуумам, а другая — к их совокупности в целом. Причем в общем случае одна система предпочтений не сводится к другой» (с. 180). Из существования независимой системы предпочтений вытекает, с одной стороны, наличие ее носителя, и с другой — реализация этой системы в экономической деятельности. «Вместо попыток искусственного встраивания индивидуумов в социум (от концепций Парето до теории игр) и передачи им ответственности за реализацию общественного интереса (социализация индивидуальной полезности), необходимо персонифицировать носителя этого интереса. В нашей парадигме им является государство, действующее от имени общества и выступающее в качестве одного из субъектов рынка» (с. 183).

Обоснование наличия специфической системы предпочтений потребовало рассмо-

трения механизмов функционирования современных демократий. С одной стороны, вырабатывать интерес общества как целого должны люди просто потому, что иных источников оценочных суждений не существует. С другой стороны, это должна быть не оценка их собственных полезностей, но улавливание тех общих потребностей, которые не отражены в индивидуальных предпочтениях остальных (несводимость). Авторы решают эту проблему выделением ограниченной группы пассионариев, способных реализовать задачу. «Не все люди одинаково способны “уловить” потребность общества как такового, стать его своеобразным медиумом, реципиентом природы. Лишь очень немногие пассионарии оказываются “беременными” коллективной потребностью; воспринимая ее, они формулируют социальные цели, “убеждают” в их актуальности других людей, делают эти цели целями государства» (с. 331). Отсюда авторская приверженность идее защиты прав меньшинства, поддержания «диссидентства» как потенциальных носителей альтернатив общественного развития и целей государства.

И все же именно проблемы, связанные с генерацией общественного интереса, не сводимого к интересам составляющих общество индивидуумов, остаются наименее понятной и обоснованной частью авторской концепции. «Представление же о том, что носителем всякого интереса является какое-либо одушевленное существо, явно избыточно и, мы бы сказали, несколько поверхностно. В условиях усложнения связей между людьми *сами институты генерируют специфические интересы* (курсив наш. — А. Л.) отдельных общностей индивидуумов и общества в целом» (с. 337). Таким образом получается, что не организация, с той или иной иерархией участников, выступающая «игроком» в экономических взаимодействиях, а нормы и правила экономической игры генерируют интересы. Авторы отрицательно оценивают идею ранжированной системы интересов с доминированием общественных, которым не могут противоречить индивидуальные предпочтения, являющиеся лишь частным случаем коренного общественного интереса. Они справедливо видят в этой концепции стремление «навязать обществу свои представления

о благополучии» (с. 425). Подходы к «расчету согласия» критикуются ими за попытку сведения интересов государства к агрегированным индивидуальным предпочтениям. Однако механизм формирования этого специфического государственного интереса, отличного от интересов отдельных индивидов, в работе не описывается. Более того, если узкая группа пассионариев способна интуитивно прочувствовать пока не выявленные общественные потребности, то вряд ли она имеет возможность представить их как интерес такой иерархичной организации, как государство.

Из специфичности государственного интереса, направленного на перспективные потребности всей совокупности индивидов через создание благоприятных условий существования сообщества, авторы выводят особую группу «опекаемых благ», выпуск которых удовлетворяет как индивидуальные, так и общественные потребности. «Товары и услуги, в отношении производства и потребления которых у общества имеется свой, нормативный, интерес, и названы “опекаемыми благами”» (с. 247). При этом класс опекаемых благ оказывается гораздо шире набора товаров, генерирующих рыночные провалы. Включение государства в число рыночных субъектов, чье благосостояние может меняться вследствие рыночных обменов, заставляет их пересмотреть подходы к рыночному равновесию и оценке эффективности распределения в соответствии с критерием Парето. Предложенная в монографии модель равновесия, учитывающая «действующее от лица общества государство, стремящееся реализовать выявляемые политической системой общественные предпочтения» (с. 301), «восстанавливает в правах важнейший инструмент института общественной опеки — субсидии производителям. Иная интерпретация этой экономической категории, с учетом стремления государства максимизировать функцию социальной полезности, превратила такие бюджетные затраты из безвозвратных расходов в необходимые социальные инвестиции, обеспечивающие экономический рост» (с. 311).

Из возможности государства учитывать потребности в долгосрочных условиях благоприятного существования общества и реализации этой потребности через регулирование

выпуска опекаемых благ авторы выводят социодинамический мультипликатор. Механизм его действия описывается следующей цепочкой событий: 1. Реализуя несводимый интерес, государство обеспечивает оптимальный для существующих условий выпуск опекаемых благ (образование, наука, культура и т.д.). 2. Возникают новые возможности для извлечения частных выгод «в результате потребления благ, предложение которых является прямым следствием указанного улучшения общественной среды» (с. 214) (результаты материализации научно-технического прогресса, развитие самих потребностей). 3. «Потенциал социального эффекта — преимущества качественного улучшения общественной среды — в принципе не растрачивается...» (с. 215). Конечно, интересно было бы увидеть какие-нибудь расчеты, демонстрирующие величину обосновываемого мультипликатора, межстрановые сопоставления, оценку временных горизонтов, на которых можно оценить мультипликативные эффекты от государственных расходов на опекаемые блага. Скажем, те же расчеты по мультипликатору бюджетных расходов на сегодняшний день проводятся с вполне определенными результатами.

Значимость работ, направленных на решение методологических вопросов, во многом определяется не только полученными выводами, но и поставленными вопросами, теми аспектами, которые остаются необъясненными, либо вызывают возражения и требуют собственных ответов. И в этом отношении работа оставляет немалый простор для интерпретаций, проверки, развития или опровержения высказанных в ней положений.

Авторы, рассматривая государство как рыночного агента, оперируют критерием Парето, говоря о формировании нового равновесия, в котором должны быть учтены предпочтения государства. «В условиях, когда кроме домохозяйств и фирм действуют другие субъекты рынка, включая государство, и каждый из них максимизирует свою функцию полезности, включая социальную, и все функции полезности не являются постоянными, по-видимому, вообще невозможно достигнуть такого положения, которое соответствует Парето-оптимуму. Ибо при подобных обстоятельствах,

по-видимому, всегда существует возможность Парето-улучшений» (с. 206). Еще в ряде случаев авторы говорят о социальной справедливости, противоречие которой с экономической эффективностью снимается в случае, если социальная справедливость входит в целевую функцию одного из рыночных игроков — государства, а максимизация полезности в ходе рыночных взаимодействий позволяет решать проблему противопоставления справедливости и эффективности. Но государство, даже если мы рассматриваем его в качестве рыночного игрока, использует иные механизмы взаимодействий, нежели остальные участники. Располагая монополией на принуждение, оно осуществляет перераспределение, которое по определению не отвечает критерию Парето, поскольку благосостояние одних растет за счет уменьшения благосостояния других. И этот аспект деятельности государства в работе практически не рассматривается.

Еще один аспект проблемы, в монографии обозначенный, но не получивший подробного рассмотрения — деятельность государства по регулированию экономических процессов. Экономическая политика не может рассматриваться в качестве опекаемого блага, которое создается с учетом спроса как частных лиц, так и государства. Формирование правил игры, корректировка рыночной информации, эмиссия денег и регулирование процентных ставок (примеры 5.1; 6.4; 6.17 и т. д.) являются важнейшими функциями, которые не может выполнять один из равновеликих рыночных агентов. Более того, в той мере, в которой государство выступает дирижером, оно не может быть одним из участников оркестра. Не попадает в рассмотрение такой аспект проблемы, как отстаивание национальных интересов во внешней конкурентной среде.

По меткому замечанию С. Ю. Витте: «Творцы классической политической экономии, если не всецело, то преимущественно, в своих логических построениях имели в виду не нацию, а человечество. Они создали науку, которую правильнее назвать не политической (общественной), а космополитической экономией» (Лист Ф. Национальная система политической экономии; Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист; Менделеев Д. И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. М.: Европа, 2005. С. 260–261). Очевидно, что интересы национальных государств, имеющих возможность перераспределять доходы и активы только в пределах своей территории в соответствии с установленными правилами, не будут совпадать, и, более того, во многом будут противоречить друг другу.

В рецензии невозможно отразить всю совокупность содержащихся в книге идей и подходов. Рассматриваемая работа хороша тем, что она заставляет задуматься, а так ли работает экономическая система, как это представляет набор схем, в основе которых лежит некоторая аксиоматика, подвергаемая сомнению в книге. Еще одним ее достоинством является широта охвата проблемы, вовлечение в критический анализ работ множества экономистов, не все из которых известны. Наконец, яркий язык, полемичность изложения, история эволюции рассматриваемых в монографии проблем — все это имеет самостоятельную ценность. Работа будет интересна и полезна как для экономистов-теоретиков, так и, в особенности, для студенческой аудитории для преодоления одномерного и плоского взгляда на экономическую жизнь.